

ГРЕГ ГРИМ

МРАК
ДРУГ МОЙ

Грег Грим

Мрак, друг мой

«Автор»

2026

Грег Грим

Мрак, друг мой / Грег Грим — «Автор», 2026

Диана, одна из последних «детей Ночи», бежит из Москвы в Петербург, пытаясь скрыться от одержимого Виктора и призраков собственного прошлого. Наняв талантливого реставратора Артёма для восстановления фамильного особняка, она не подозревает, что вступает в игру, где стены помнят каждое преступление, а любовь оказывается самым острым лезвием. Когда рассвет обнажает предательство, а солнечный свет становится палачом, Диана понимает: её бессмертие — не случайность, а право собственности, за которое придётся платить кровью в войне древних кланов и тайных орденов. Мрачный нуар, переплетённый с готическим хоррором и тёмной романтикой. Книга, где каждая тень знает своё имя, а каждый поцелуй может стать последним.

© Грег Грим, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чернее тени	5
Гл	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Грег Грим

Мрак, друг мой

Глава 1. Чернее тени

Воздух в кабинете был густым, вязким, почти осязаемым. От стен несло едкой сладковатой гарью, а в глубине, за слоями вековой пыли, ощущался влажный, тошнотворный аромат отслаивающейся штукатурки. Диана лежала на полу, прижавшись щекой к холодному дубовому паркету. Она не помнила, как дошла до кресла, как села в него, и как в итоге соскользнула на пол. Тело, привыкшее к безупречной неподвижности, сейчас сотрясилось мелкой, уничительной дрожью.

На груди, вдавленный в обгоревший шелк платья, лежал обсидиановый амулет Виктора. Он был невыносимо тяжелым, как осколок упавшей звезды, и ледяным, словно дно Невы в феврале. Камень не излучал тепло - казалось, он поглощал его. Созданный из вулканического стекла и воли мертвеца, он формировал вокруг её израненной ауры плотный кокон абсолютного нуля, останавливая некроз и выжигая из крови остатки солнечного яда.

В голове Дианы не было призраков. Не было мистического шепота или посмертных признаний. Лишь инстинктивные, рубленые импульсы, запечатанные в черной структуре камня. Они вспыхивали в сознании с ужасающей четкостью:

«Не двигайся. Дыши медленно. Твое сердце бьется слишком громко. Слышишь? Слишком громко».

Это была жесткая, холодная опека. Та самая опека, которую Диана ненавидела в Викторе при жизни, но которая сейчас, ценой его существования, удерживала её от паники и безумия.

В памяти вспыхнул зимний Петербург, сорок лет назад. Они шли по набережной Мойки, ветер резал лицо, как осколок стекла. Виктор остановился, молча снял свой кашемировый шарф — тот самый, цвета графита, — и обернул его вокруг её шеи. Его пальцы, длинные и холодные, на мгновение задержались у её подбородка, поправляя узел.

— Ты застынешь, Диана, — сказал он тогда, и в его голосе звучала та самая опека, которая бесила её до дрожи.

Она сбросила шарф через пять минут, швырнув его в снег. — Я не твоя кукла, Виктор. Я не мерзну.

Он не стал спорить. Просто поднял шарф, отряхнул снег и убрал в карман. В его глазах не было обиды — только бесконечная, усталая печаль.

Сейчас, лёжа на полу кабинета, с обсидианом на груди, Диана впервые за десятилетия поняла: он не пытался её контролировать. Он пытался её сохранить. И цена этой заботы оказалась выше, чем она могла представить.

Она подчинилась. Усилив воли, хоть и не с первого раза выровняла дыхание. Заставила пульс замедлиться до ритма спящего особняка.

Свет уличного фонаря, пробиваясь сквозь грязное стекло, ложился на паркет косыми, ломаными полосами. В углу, где эти полосы обрывались о потемневшую лепнину, темнота начала вести себя неправильно.

Сначала она просто сгустилась, став чернее самого мрака. Затем, с едва слышным звуком, похожим на отрывание мокрой ткани от кожи, тень высокого книжного шкафа отделилась от пола. Она вытекла из своего источника, стекая вверх по стене, игнорируя гравитацию. Воздух вокруг неё мгновенно остыл, приобретая вязкую, почти осязаемую тяжесть.

Тёмная масса дрогнула, вытянулась и обрела контуры. Острые, неестественно угловатые плечи. Вытянутая, слишком тонкая шея. Голова склонилась набок с плавностью, которая

не имела ничего общего с человеческой моторикой — так двигаются лишь пауки или ртуть. Силуэт театрально, в насмешку, поправил волосы.

Это была её тень. Не та, что возникает ясным солнечным днём, а Тень, что становится гораздо отчётливее тёмной ночью. Та самая хищная, голодная сущность, которую Диана десятилетиями держала на голодном пайке сытости, статуса и московского лоска. Она подавляла её, заставляла сжиматься до тонкой, безобидной полоски под ногами. Но сейчас, когда хозяйка лежала на полу, обгоревшая и нищая, Тень почувствовала запах краха и вышла из спячки.

Она втягивала окутывающий Диану холод в себя, создавая вокруг пустоту. Диана кожей ощутила, как по её собственному позвоночнику пробежала судорога: связь между ними была физической, пуповиной из чёрной крови, которая сейчас натянулась до предела.

Тень скользнула по обоям, но как только её вытянутые пальцы коснулись плинтуса, где паркет стыковался с древним камнем фундамента, особняк глухо, неодобрительно вздохнул где-то в глубине перекрытий. Тень замерла, втянула «пальцы» и отступила на шаг, признавая абсолютное превосходство Левиафана, в чреве которого они обе находились.

— Ты дрожишь, сестра, — прошептал голос. Он не исходил из угла. Он звучал прямо в ушной раковине, влажный, близкий и насмешливый. — Холод пробрался под кожу. Или это страх?

Диана не обернулась. Она знала правило: если посмотреть Тени в глаза, можно потерять рассудок, раствориться в собственном отражении.

— Заткнись, — хрипло произнесла Диана. Голос её был похож на треск ломающегося льда.

— Впервые за сто лет у тебя нет плана, — Тень сделала шаг, скользнув по обоям, как масло по воде. Её очертания дрожали от предвкушения. — Нет счетов в швейцарских банках. Нет адвокатов. Нет его мертвой любви, которая служила тебе щитом. Ты нищая. Ты беззащитная. Ты — просто мясо, которое забыло сдохнуть.

Тень наклонилась, и её вытянутые, черные пальцы коснулись паркета. Пол под её касанием не изменился, но где-то глубоко, в каменном фундаменте, особняк глухо и неодобрительно вздохнул. Тень отдернула руку, словно обжегшись о древнее превосходство Дома.

— Позволь мне выйти, — прошипела она, уже не глядя на стены, а вперившись в затылок Дианы. — Позволь мне найти их. Тех, кто посмел тронуть нас. Рвать глотки, пить тепло, пока не станет тошно. Дом лишь прячет нас, сестра, но он не может нас накормить. А мы голодны. Мы хотим крови.

Диана медленно подняла голову. Обсидиан на груди пульснул холодом, и в её жилах вспыхнула ледяная, древняя ярость. Крепко сжав зубы, она посмотрела на стену, где металась Тень, и мысленно надавила на ту невидимую нить, что связывала её с собственной тьмой.

— Ты останешься там, — сказала Диана. Тихо. Но в этой тишине звенела сталь. — Ты будешь ждать. Ты будешь смотреть. Но ты не выступишь, пока я не разрешу. Дом укрыл нас, и ты не посмеешь осквернить его порог своим голодом. Ты — мой инструмент, а не мой хозяин. Поняла?

Тень замерла. Её хищная ухмылка дрогнула, превратившись в оскал. На секунду в комнате повисло напряжение, от которого заломило виски и в воздухе проступил привкус старой меди, но затем Тень неохотно скользнула обратно к плинтусу, растворяясь в темноте, оставив после себя лишь насмешливый шепот:

— Посмотрим, сестра. Посмотрим, как долго ты удержишь клетку, когда придет настоящий голод.

Диана закрыла глаза. В кабинете снова стало тихо. Только паркет под её щекой был по-прежнему холодным, а обсидиан на груди продолжал отсчитывать время, отмеряя секунды до её новой жизни.

Диана поднялась с пола, опираясь на холодный дубовый подлокотник кресла. Тело ныло тупой, разлитой болью, но обсидиан на груди продолжал гасить острые вспышки агонии, превращая их в фоновый, терпимый холод. Тень, получившая отпор, сейчас притаилась где-то под карнизом, наблюдая за хозяйкой с хищным, выжидательным блеском в невидимых зрачках.

Ей нужно было оценить масштаб катастрофы. Не физический — с ним справлялся камень Виктора. Ей нужно было понять, что осталось от неё в мире живых.

В массивном секретере из карельской березы, за двойным дном, которое Артём в своем фанатичном стремлении вернуть дому его исторический облик, так и не обнаружил, лежал старый, тяжелый ноутбук. Диана достала его, сдувая пыль. Экран вспыхнул тусклым, мертво-синим светом, выхватив из полумрака её бледное, обожженное лицо.

На долю секунды, пока система пыталась авторизоваться, на заставке мелькнула фотография. Не Москва. Не Сити. Старая, слегка размытая фотография питерской набережной, сделанная с рук, где в отражении витрины угадывался силуэт Артёма с двумя стаканчиками кофе. Диана замерла. Палец завис над тачпадом. В груди, там, где билось ледяное сердце, кольнуло не болью, а внезапным, тошнотворным осадком утраты. Артём не просто стирал её счета. Он стирал *то, что сумело родиться в её груди*. Она моргнула, и экран погас, выдавая первую ошибку.

Её не покидало ощущение, что она что-то упустила. Диана ввела пароли. Авторизация. Верификация. Ошибка. Вход через ВПН. Снова ошибка. Доступ заблокирован.

Диана не дрогнула. Она открыла закрытые каналы связи со своими доверенными лицами в Цюрихе, Дубае и Москве. Ответы приходили с задержкой, прорываясь сквозь помехи, но суть была одна и та же. Сухие, юридически выверенные формулировки, которые для неё звучали как приговор:

«Счета арестованы по решению международного трибунала», «Активы переведены в благотворительный фонд "Вертикаль-Холдинг"», «Юридическое лицо аннулировано».

Она откинулась на спинку кресла. Тень на потолке тихо фыркнула, но Диана даже не посмотрела вверх.

Артём методично, слой за слоем, соскабливал её с поверхности мира. Цифровая смерть. Фраза, впервые появившаяся лишь несколько лет назад. В реестрах, в базах данных, в головах её подчиненных Диана Александровна Англарес перестала существовать. Он провел генеральную уборку, вымыв её из реальности так же, как вымывают грязь из пор старого камня. В мире живых она осталась с пустыми карманами и обгоревшим платьем.

Она закрыла глаза, и перед ней встал кабинет в Сити — тот самый, с панорамным видом на Москву-реку. Тяжелый стол из чёрного ореха, на котором лежали дела, стоявшие больше, чем некоторые города. Стены, увешанные картинами: Малевич, Кандинский, редкий Шагал, который она купила на закрытых торгах в Женеве. Каждая картина была не просто инвестицией — это была её броня, её заявление миру: *я здесь, я вечна, я владею красотой*.

Теперь всё это принадлежало фонду "Вертикаль-Холдинг". Кто-то другой будет сидеть за её столом, смотреть на её картины, пить вино из её бокалов. Её имя сотрут даже с таблички на двери.

Диана медленно выдохнула. Боль была глухой, как будто на голову наступил тяжелый сапог и теперь медленно вдавливал её в землю. Её собственное "я" растворялось в потоках безразличного мегаполиса.

Город, который вчера кормил её из рук, сегодня объявил её невидимкой.

Никаких истерик. Никаких слез, размазывающих тушь. Диана моргнула, стирая эту картину.

Бежать в Москву бессмысленно. Там, в стеклянных башнях Сити, её уже ждали не адвокаты, а чистильщики Ордена. Там её знали, и там были готовы стереть её физически. Она была

загнана в угол. Её отрезали от кислорода, которым она дышала последние столетия — от власти и денег.

— Ну что, сестра, — прошептала Тень, плавно стекая по стене и застывая в углу, где свет экрана едва касался её контуров. — Видишь? Ты больше никто. У тебя нет ни замков, ни ключей. Только этот гнилой дом и твой вечный голод. Позволь мне...

— Заткнись, — перебила её Диана, не повышая голоса. Она закрыла ноутбук. Щелчок крышки прозвучал в тишине кабинета как выстрел затвора. — У меня есть Игла. У меня есть дом. И у меня есть ты. А этого достаточно, чтобы начать всё сначала.

Она встала. Паркет под её босыми ногами был ледяным, но она больше этого не чувствовала. Страх перед нищетой, перед потерей статуса, перед тем, что подумают в московских салонах, испарился вместе с дымом от её обгоревшего платья.

Диана оторвала взгляд от мертвого экрана ноутбука. В кабинете повисла та выжженная тишина, что царила здесь при Артёме. Особняк пульсировал, сопереживал и чувствовал. Он ощущал, как с её кожи сходит чужой, искусственный лак, как исчезают враждебные метки реставратора. Она была обнажена. И особняк принял её наготу.

Воздух вокруг неё сгустился, приобретая вязкую, почти осязаемую тяжесть. От плинтусов потянуло сырой землёй и тем самым тошнотворным, сладковатым привкусом истлевшего воска, который всегда предвещал грозу.

Паркет под её босыми ногами не просто скрипнул — он мягко, почти по-собачьи прогнулся, подставляя опору. Тени в углах вытянулись, ложась ей под ноги, словно расстилая ковровую дорожку. Тень, притаившаяся под карнизом, не посмела спуститься следом. Она лишь замерла, провожая хозяйку взглядом невидимых зрачков, признавая превосходство древнего Левиафана, в чрево которого та собиралась шагнуть.

Стена за спиной, там, где раньше висела тяжелая гобеленовая ширма, отозвалась глухим, утробным лязгом. Сухой скрежет разбудил спящие полтора века шестерни. Обои и лепнина бесшумно разъехались в стороны, обнажая узкий проход, выложенный серым камнем. Камнем, который не встречался в петербургской архитектуре. Камнем, помнящим Неву до того, как её заковали в гранит.

Винтовая лестница уходила вниз. Диана не колебалась. Она ступила на первую ступень. Холод камня был родным, он не обжигал, но ласково касался, вливая в вены ту самую ледяную ясность, которая была нужна для выживания. Ему и ей.

Спуск казался бесконечным. Воздух с каждой ступенью становился гуще, влажнее, приобретая металлический оттенок. Внизу открылся круглый зал. Без окон. Без украшений. В центре, на постаменте из черного мрамора, лежали не сокровища. Лежали чертежи.

Пожелтевшие от времени листы, покрытые хищной, отточенной вязью. Дневники в кожаных переплетах, странные инструменты из потемневшей меди и обсидиана, колбы с застывшей внутри темной жидкостью.

Диана подошла к постаменту и коснулась кончиками пальцев верхнего чертежа. Бумага хрустнула, словно кость.

В тот же миг в её сознание прорвался шёпот. Не галлюцинация. Голоса стен. Они сочились из каменной кладки, вибрировали в мраморном полу. Она увидела не призраков, а линии. Вертикали. Отвесы. Углы уклона.

Нет, вовсе нет... её предки не были просто монстрами, пьющими кровь и прячущимися от солнца. Они были создателями. Хранителями мест, где реальность истончалась до предела, где ткань мира протиралась до дыр. Особняк на Саперном — это не просто родовое гнездо и не убежище. Это первый камень. Краеугольный камень в башне, которую строил Г.Г. Башня, призванная держать на себе вес этого хаотичного, прогнившего мира.

Но когда её взгляд скользнул ниже, к самому краю мраморной плиты, она замерла. Среди безупречных вертикалей и отвесов лежал отдельный, свернутый в трубку лист. Диана развернула его.

Это была карта, но без единого названия. Только густые, чернильные линии, перечеркивающие привычные контуры, и в самом центре, там, где должен был быть Петербург, красным воском был запечатан странный символ: башня, пронзенная иглой, и подпись, выведенная дрожащей рукой: «Точка ноль. Г.Г. не ушел. Он спустился». Диана нахмурилась, пытаясь осмыслить увиденное, но шёпот стен внезапно оборвался, оставив её в звенящей тишине. Загадка повисла в воздухе, тяжелее самого обсидиана.

Диана медленно подняла голову, глядя на каменный свод. Обсидиан на её груди пульснул в унисон с чем-то огромным, спящим глубоко под фундаментом. Она больше не была просто Дианой Александровной, юристом из Москвы. Она была наследницей не фамилии. Она была наследницей Ночи. И дом, наконец, дождался своей хозяйки.

Диана поднялась из чрева дома, сжимая в руке пожелтевший лист. Бумага под пальцами казалась не пергаментом, а выделанной кожей. Строки, выведенные хищным почерком Г.Г., впивались в сознание, вибрируя с той же частотой, что и Игла в её кармане.

«Там, где заканчиваются карты».

Она остановилась на площадке лестницы, глядя в темноту верхних этажей. Столицы стерильны. Москва и Петербург — это витрины, за которыми Орден уже провел генеральную уборку. Чтобы выжить, нужно уйти туда, где Орден не чистит, а просто забывает. В провинцию. В города, где время застряло в девяностых, где фасады крошатся, а реки помнят имена, которых нет в современных картах. Там, где гниение считается частью жизни, а не изъяном.

Она поднялась в спальню. Обгоревший шёлк платья, пропитанный гарью и древней пылью, скользнул на пол, оставляя за собой серую дорожку пепла. Диана не хотела смотреть в зеркало — там сейчас металась лишь голодная, хищная Тень, жадно впитывающая её новую, дикую решимость.

Из глубины старинного сундука она достала свёрнутую грубую, тёмную шерсть. Тяжёлый свитер, плотные брюки, потёртые кожаные ботинки. Одежда, которая не кричит о статусе, а шепчет о невидимости. Она переодевалась быстро, механически, сбрасывая с себя не просто ткань, а целую жизнь — жизнь московского юриста, светской львицы, хозяйки стеклянной горы.

В карман она положила Иглу, обсидиановый амулет Виктора и письмо. Рядом с ними — несколько тяжёлых, тусклых золотых монет, которые можно будет обменять в любом ломбарде, не задавая вопросов. Никаких документов. Никаких телефонов. В мире живых Диана Александровна Англарес перестала существовать. Осталась лишь тень без имени.

Она спустилась в холл. Массивная дубовая дверь была заперта на тяжёлый железный засов. Диана не стала тянуться к ключу. Вместо этого она прижала ладонь к холодному дереву.

— Спи, — прошептала она. Голос её был тихим, но в этой тишине звенела сталь. — Храни пепел. Я вернусь, когда научусь кроить ночь.

Дом отозвался. Воздух в холле сгустился, приобретая вязкую, почти осязаемую тяжесть. От плитусов потянуло сырой землёй. Из пыли, осевшей на паркет, из сырости стен, из самого холода, исходящего от Дианы, начала проступать фигура.

Она собиралась медленно, словно ткань, которую ткут из теней. Серая, бесформенная, но пугающе сильная. На месте головы — две прорези, в которых тлел фосфорический, мертво-бледный огонь. Аватар Особняка.

Тень в углу жалобно зашипела и вжалась в плитус. Даже обсидиан на груди Дианы пульснул ровным, одобряющим холодом. Виктор знал: этот страж не подведёт.

Аватар шагнул к двери. Пол не скрипнул под его весом, ибо веса у него не было. Он наклонил свою бесликую голову, склоняясь перед хозяйкой. В этом жесте не было ни капли раболепия — только немая, каменная клятва.

Затем он шагнул внутрь двери. Тени и прах втянулись в щели, в замочную скважину, в поры дерева. Сухой, тяжёлый щелчок упавшего засова прозвучал как выстрел. Дом запер себя изнутри.

Диана развернулась и направилась к чёрному ходу. За её спиной особняк окончательно замер, уходя в спячку, чтобы хранить её тайну до самого её возвращения. А впереди, за дверью, её уже ждал густой, непроглядный туман.

Чёрный ход особняка вывел ее в узкий, продуваемый всеми ветрами переулок. Здесь, вдали от парадных фасадов Саперного, Петербург не пытался казаться величественным. Он был таким, какой и есть на самом деле: гнилым, сырым, живым. Туман висел в воздухе, он лип к коже, пропитывая грубую шерсть свитера тяжелой, соленой мглой, в которой растворялись контуры заборов и фонарных столбов.

У выхода на улицу, привалившись к грязной кирпичной стене, спал мужчина. Вокруг него висел тяжелый ореол дешевого алкоголя и мокрой шерсти. Диана хотела обойти его стороной, но в этот момент её слух, обостренный до предела хищника, выхватил из шума ветра низкий, гулкий ритм. *Тук-тук. Тук-тук.* Сердцебиение. Под тонкой, грязной кожей пульсировала горячая кровь. От него исходило живое, животное тепло, которое втягивалось в лёгкие с каждым его хриплым вдохом.

Тень под ногами Дианы дрогнула, вытягиваясь к его ботинкам. На секунду, всего на одно мгновение, в её голове вспыхнула ясная, кристальная мысль: *наклонись. Укуси. Выпей.* Диана замерла. Её клыки болезненно удлинились, царапая изнутри десны. Она закрыла глаза, заставляя хищника отступить, и, не открывая их, шагнула в сторону, обходя спящего.

Когда она открыла глаза, мужчина даже не пошевелился. Но теперь слова Тени больше не были просто насмешкой.

Диана шла быстро, не оглядываясь. Каблуков на ее ногах не было — только тяжелые, потертые ботинки, глухо стучавшие по мокрой брусчатке. С каждым шагом от нее отпадало что-то невидимое, но осязаемое: груз московских интриг, блеск стеклянных небоскребов, фантомная боль от прикосновений Артёма. Она сбрасывала с себя не просто одежду, а целую эпоху.

На груди обсидиановый амулет пульсировал ровно, тяжело, словно отбивая такт ее новому сердцу.

«Дыши,» — прошелестел в сознании холодный, рубленый импульс Виктора. В этот раз в нем не было ненужной опеки. Только сухое, мужское одобрение. Тень, стелившаяся за ее ногами, молчала. После встречи с Аватаром она прижалась к асфальту, став плоской и послушной, но Диана чувствовала ее голодный взгляд на своей спине. Она знала: клетка не исчезла. Она просто стала больше.

Она добралась до станции, когда последние электрички уже начали отходить. Диана не стала покупать билет в кассе. Она тихо проскользнула в тамбур последнего вагона, когда двери с шипением начали закрываться. Проводница, уставшая женщина с мешками под глазами, даже не взглянула на нее, принимая за очередную ночную пьяницу или запоздалую дачницу. В этом мире живых Диана Александровна Англарес больше не существовала. Для людей она была просто силуэтом в темной одежде, от которого шарахались или старались обойти стороной.

Вагон дернулся, и огни Петербурга начали медленно, неохотно скользить назад. Диана села у окна, прислонившись лбом к холодному, запотевшему стеклу. Совсем недавно, точно так же она прижималась к этому бездушному материалу в своём кабинете в Сити. Стекло дрожало от ритма колес, и эта вибрация отдавалась в зубах, в костях, в самой глубине ее замершей крови.

Город уходил. Сначала исчезли золотые шпили, затем растворились в серой мгле гранитные набережные, и наконец, погасли последние огни спальных районов. Впереди лежала лишь черная, непроглядная пустота, в которой тонули рельсы.

Диана сунула руку в карман. Пальцы нащупали холодное серебро Иглы и шершавую поверхность письма Г.Г. У нее не было денег, не было дома, не было союзников. Только дом, который спал в ее сердце, тень, которая жаждала крови, и голос мертвеца, который учил ее выживать.

Она смотрела на свое отражение в темном стекле. Из него на нее глядела не хозяйка стеклянной горы, не московский юрист и не жертва предательства. Из стекла смотрела женщина с глазами цвета штормового моря, в которых больше не было страха.

Она стала тенью без прошлого. Ведь тень нельзя убить. Тень можно только отсечь. А она только что научилась кроить ночь под себя.

Поезд уносил ее в темноту, в провинциальную глушь, где время застряло в девяностых, а стены помнили имена, которых нет на картах. Диана закрыла глаза. Впервые за сто лет она не знала, что будет завтра. И в этой неизвестности было больше жизни, чем во всей ее предыдущей вечности.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.